

УДК 316.42

АРХАИЧНЫЕ СМЫСЛЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Яковенко Андрей Вячеславович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Восточноукраинского национального университета им. Владимира Даля (г. Луганск)

В публикации рассматриваются особенности так называемых архаичных смыслов (смыслов прошлого) в системе современной общественной жизни. Указывается на фундаментальное противоречие между постоянным тяготением к исторически несуществующим формам организации социума и кардинально новыми условиями функционирования общественных отношений, возникших на базе информационно-коммуникационных технологий. Приводятся характеристики различных архаичных смыслов и их роли в практической геополитической игре в период глобализации. Аргументируется необходимость принципиального отказа от попыток поиска масштабных гуманитарных практик в социокультурных формах прошлого в связи со значительным несоответствием условий существования аграрной и индустриальной цивилизаций современному стремительно глобализирующемуся обществу.

Ключевые слова: смысл, ценности, глобализация, общество, время, прошлое.

В публікації розглядаються особливості так званих архаїчних смислів (смислів минулого) в системі сучасного суспільного життя. Вказується на фундаментальне протиріччя між постійним тяжінням до історично неіснуючих форм організації соціума та кардинально новими умовами функціонування суспільних відносин, що виникли на підґрунті інформаційно-комунікаційних технологій. Надаються характеристики різних архаїчних смислів та їх ролі в суто практичній геополітичній грі в період глобалізації. Аргументується необхідність принципової відмови від спроб пошуку масштабних гуманістичних практик в соціокультурних формах минулого у зв'язку зі значною невідповідністю умов існування аграрної та індустріальної цивілізацій суспільству, що стрімко глобалізується.

Ключові слова: смисл, цінності, глобалізація, суспільство, час, минуле.

The publication considers the peculiarities of the so-called archaic senses (senses of the past) in the contemporary society. The author points out the fundamental contradiction between a constant tendency towards historically non-existent forms of organization of society and cardinally new conditions for the functioning of social relations that have arisen on the basis of information and communication technologies. The article summarizes the characteristics of the different archaic senses and their role in the practical geopolitical game in period of globalization. The author gives arguments to support the need for a fundamental rejection of attempts to find large-scale humanitarian practices in the socio-cultural forms of the past due to the significant discrepancy between the conditions of existence of the agrarian and industrial civilizations and modern rapidly globalizing society.

Keywords: sense, values, globalization, society, time, past.

Люди живут прошлым, чтобы прятаться от настоящего и будущего.

Банальность.

Одной из отличительных черт социальной жизни выступает увлеченность конструктами прошлого и постоянно воспроизводящиеся попытки их пропагандировать как приемлемый и адекватный новым условиям опыт устройства социально-экономических и политико-административных отношений. Социологи уже давно фиксируют сложности (фактически-невозможности) адаптации сколь-нибудь значимых форм социальной организации, присущих аграрному и индустриальному обществу, к постоянно меняющимся условиям современного социума. Однако стремления не просто обращаться к прошлому в поисках нужных решений для конструктивного развития, а попытки представить его (прошлое) как едва ли не единственно приемлемый вариант созидания будущего, продолжают находить своих сторонников и имеют вполне отчетливые институциональные черты. Речь не идет о здоровом консерватизме и умеренном отношении к сверхпрогрессивистским тенденциям. Проблемным моментом для поступательного и социально ответственного общественного развития выступают конкретные социальные практики, направленные на выстраивание смыслов и целей будущего через воспроизводство смыслов и целей прошлого (отдаленного прошлого). В результате историко-политическая и социально-культурная архаика приобретает вполне

осязаемые черты платформы для инициирования активных, заметных социальных движений, не говоря о широком воспроизводстве соответствующих общественных настроений. Локализованные и давно пройденные образцы устройства социальных отношений преподносятся в качестве смысловой программы, реализация которой может позволить преодолеть и разрешить значительное число сложных противоречий современного мира. Основная опасность как раз и заключается в соблазне за счет обращения к прошлому отрешиться от активных, весьма тяжелых поисков абсолютно новых, не имеющих исторических прецедентов форм и способов устройства всего мирового социума, а также его отдельных составляющих.

В то же время можно отчетливо наблюдать устоявшуюся практику, когда активизация смыслов прошлого становится выгодным инструментом геополитических игр. В результате чего, например, многочисленные исторические комплексы превращаются в банальное средство манипуляции общественными настроениями, что, в свою очередь, нередко позволяет реализовывать задачи по ослаблению или даже устранению конкурентов.

Очевидно, что мы давно и тотально вступили в фазу, которую Э. Тоффлер уже более полувека назад определил как "страх перед будущим", "футурошок", предложив детально разбираться и анализировать социальные феномены "убегания" и "прятания" от этого страха [1]. По понятным причинам с тех пор ситуация только лишь усугубилась, порождая стремления, как отмечал В. Бакиров, к изоляции "от враждебного и непонятного нового мира" даже в университетской среде [2, с. 9]. Поэтому мы и предлагаем более детально рассмотреть попытки строить социальную жизнь не на смыслах перспективы, а на смыслах ретроспективы.

При освещении научного социологического наследия в рамках обозначенного направления исследовательского поиска, выделим три значимых сегмента разработок: временной, глобализационный и смысловой. Проблематика времени в основном представлена в рамках феноменологической и экзистенциальной школ (Э. Гуссерль, А. Бергсон, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, А. Шюц...). Нельзя обойти вниманием в данном ключе и научное наследие П. Бергера и Т. Лукмана. В украинской социологии прежде всего следует назвать работы Е. Головахи. Что касается изучения условий трансформации общественных отношений в условиях глобализации, то очевидно, что здесь, в первую очередь, надо отметить труды таких социологов, как У. Бек, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Э. Тоффлер, П. Штомпка и др. Украинская социологическая мысль в данном ключе также широко представлена. В качестве показательных примеров укажем таких исследователей, как В. Бакиров, Е. Головаха, О. Куценко, С. Макеев, Б. Нагорный и др. В смысловом же сегменте научного поиска традиционно назовем следующие фамилии: Ж. Делез, Ж. Нюттен, В. Франкл, Э. Фромм, Д.А. Леонтьев. Среди современных украинских исследователей уместно упомянуть В. Бурлачука и Ю. Романенко.

Основную цель работы в рамках общей значимой задачи оценки смыслового поля глобализирующегося социума мы определяем следующим образом: характеристика ряда черт и проявлений архаичных смыслов как активных компонентов конструирования современной социальной действительности.

Существует необходимость четкой фиксации того, что автор подразумевает под категорией "архаичные смыслы" ("смыслы прошлого" или же "смыслы о прошлом"). Для нас "архаичные смыслы" – это установки на жизненную реализацию, т.е. активный характер внутренних и внешних инициаций, базирующийся на представлениях, что будущее должно строиться как воспроизводство атрибутов социально-экономических и политико-административных укладов, имевших место в ближайшей или отдаленной исторической практике, а также в мифах и легендах.

В содержательных рамках рассматриваемой проблемы может вновь возникнуть закономерный вопрос о соотношении категорий "ценность" и "смысл". Мы специально уходим от определения "ценности прошлого" или "архаичные ценности", говоря исключительно (и именно) об "архаичных смыслах". Мы полагаем, что так называемые традиционные ценности, которые легко можно было бы охарактеризовать как ценности прошлого, не тождественны архаичным смыслам. Ибо и в данном отношении ценности – это принципы существования, жизненные позиции, которые вполне могут (а многие и должны) сохраняться в новом постиндустриальном мире. Другое дело, когда для того, чтобы они воспроизводили свою роль и значимость, манифестируется целесообразность восстановления старых, мифологизированных и героизированных форм социальных порядков, предлагая людям "ради" и "во имя" этого прилагать усилия. Таким образом, происходят попытки использования архаичных смыслов в качестве средств спасения традиционных ценностей, то есть осуществляется переход от ценностной к смысловой (активной) составляющей социального процесса.

Кроме того, мы разделяем консерватизм и архаичность сознания. Первое (консерватизм) в нашем понимании выступает выполнением и отражением охранной функции в деятельности индивида и общества, то есть взвешенного, осторожного, внимательного и конструктивно-критичного отношения к любым социальным новациям, сохранение в них здоровых элементов опыта прошлого. Второе (архаизм), напротив, означает навязывание в новых условиях социальных практик, систем отношений и т.д., которые утратили свой социальный ресурс. То есть мы говорим не о позитивной преемственности, а о характерном социальном "заикливании", попытках отрешиться от стремительно меняющихся условий, предлагая в

качестве рецептов спасения неадекватные ни месту, ни времени смысловые установки "возврата к старому".

Социологическая традиция в этом направлении отнюдь не скудна, особенно в исследованиях предрасположенности индивидуального и общественного сознания ко всякого рода преувеличению и возвеличиванию прошлого в альтернативу настоящему и будущему. Практически всё, что скрупулезно наработывалось в рамках темы о роли мифов в конструировании социальной реальности, имеет прямое отношение к предмету нашего анализа. Однако мы бы хотели заострить внимание на двух аспектах. Во-первых, многие социологи не очень охотно переходят от детализированной оценки мифологического сознания к проблеме его использования в социально-политических практиках. Сегодня эта тема в значительной степени "приватизирована" политологами и политтехнологами. Во-вторых, по-прежнему мало работ с критической оценкой попыток культивирования архаических смыслов в качестве способов преодоления неоднозначных, парадоксальных и даже трагичных обстоятельств, вызванных стремительнейшими процессами так до конца и не осознаваемой глобализации.

Отметим, что обращение к архаическим смыслам как спасительным конструктам, дающим ответы на вызовы времени, не является характеристикой поведения каких-то наиболее отсталых сообществ, государственных образований и т.п. Оно присуще без исключения всем. Более того, в силу геополитического влияния наиболее опасными выступают как раз "поведенческие рецидивы", вызванные возможными попытками восстановления "былой исторической мощи" со стороны наиболее влиятельных стран мира. Сегодня, например, многие аналитики с тревогой смотрят на возможности исторического реванша Китая в качестве "Поднебесной империи" или попытки увидеть в прежних формах лидерства ("Римская империя") новый импульс для геополитического влияния Соединенных Штатов Америки [3]. Мы специально привели в качестве примера самые значимые государства, поскольку все остальные прецеденты выглядят менее масштабными и преимущественно фиктивными.

В качестве же рельефного и трагического опыта в отношении того, как архаические смыслы могут влиять на мировой социум, достаточно привести фашистскую Германию. Расовые псевдоаристократические комплексы многих представителей европейской элиты конца XIX - начала XX вв., найдя свое воплощение в арийском мифологизаторстве, обернулись социальной катастрофой для многих народов. Поиск мирных, договорных, консенсусных решений был подменен войной всех против всех для получения геэкономических и геополитических дивидендов.

Глобализация, как известно, сделала весьма уязвимыми многочисленные попытки радикального обращения к прошлым заслугам как возможным смысловым установкам развития. Однако сплошь и рядом мы продолжаем встречать своеобразную смысловую ностальгию. В рамках современных политических образований меньше всего (в известной мере) прошлое довлеет над Европейским Союзом, хотя предпринимаются попытки и это политическое образование представить как воспроизводство неких имперских конфигураций отдаленного прошлого. Другое дело, что большинство членов ЕС в рамках своих автономных государственных образований очень зависимы от смыслов прошлого. На недавней социологической конференции в Киеве в апреле 2011 года венгерский социолог П. Тамаш великолепно проиллюстрировал, как целый ряд стран Евросоюза придумывают для себя смыслы самоактуализации, большинство из которых по определению архаичны и не будут реализованы, даже если ЕС не выдержит этого парада исторических амбиций.

Остановимся на некоторых параметрах архаических смыслов. В частности, на причинном и временном. Главными причинами воспроизводства смыслов "жить прошлым в настоящем и навязывать его будущему" выступают:

- на индивидуальном уровне – стереотипизация сознания и его склонность к упрощенным формам восприятия действительности;

- на общественном – сохранение ряда социальных институтов и организаций, конфигуративно и атрибутивно связанных со старыми практиками устройства системы социальных отношений.

Как справедливо отмечал в своей статье В. Бурлачук, "эти типизации, опирающиеся на такие символические системы, как миф, традиция, авторитет, создают у индивида ощущение стабильности мира повседневных взаимодействий" [4, с. 151]. Представляется, что стабильность и понятность окружающего мира может быть восстановлена, как только мы воспроизведем все, что некогда было утрачено. Прошлое на то и прошлое, что в сознании (индивидуальном и коллективном) оно воспринимается спокойнее из-за его совершенности и завершенности. Оно (прошлое) понятно и привычно (последнее особенно актуально для тех, кто его непосредственно пережил). Это действительно спокойствие привычки, предпосылка к устойчивости, базис и одновременно ответ на желание комфорта. О социальном базисе конформизма в социологии написано очень много.

Во временном качестве предполагается следующая градация архаических смыслов:

- воспроизводство смыслов и организационных форм недавнего прошлого (возврат к тотальной госэкономике, восстановление СССР в его прежнем качестве);

- воспроизводство смыслов и организационных форм отдаленного прошлого (империя, гетьманат);

- воспроизводство смыслов мифического, никогда не существовавшего или доподлинно никому неизвестного в качестве исторической реальности прошлого (США как новая Атлантида, арии). По понятным причинам, в данном случае о восстановлении организационных форм речь не идет.

Мобилизация социума за счет актуализации и гиперболизации прошлого имеет явно манипулятивный (спекулятивный) характер. С позиций научной корректности очевидно, что практически любой, даже самый исторически значимый, период не соответствует тому уровню пафосности, который ему приписывают последующие поколения, никогда в нем не жившие. При этом абсолютно игнорируется простая рациональная логика. Ведь очевидно, что, например, никакой "старой доброй Англии" никогда не было и быть не могло. Не было, поскольку она никогда в качестве метрополии не могла быть "доброй", стремясь военными, экономическими и политическими средствами подавлять своих соперников. Она никогда не могла считаться (во всяком случае, в своем имперском прошлом) старой. Когда Великобритания контролировала половину мира, она была либо молодой, либо зрелой. А состарившись, утратила влияние, и только тогда стала по-настоящему старой, печалась об утраченной геополитической мощи и влиянии.

В системе же организации социально-политической жизни смыслы прошлого используются следующим образом:

В умеренном ключе:

А) как базис для существования традиционных партий. Прежде всего тех, кто основные акценты делает на консервативной идеологии. При этом П. Бурдье в свое время прекрасно продемонстрировал, насколько консерватизм с точки зрения его иррациональности и мифологизаторства может быть присущ как "правым", так и "левым" партиям [5, с. 199-200];

Б) как основа патриотического воспитания.

В радикальном ключе:

А) Как конструкты для воспроизводства экстремистских настроений. В настоящее время мы нередко видим радикалов и деятельность их организаций как своеобразное пугало для осуществления внутри- и внешне- политических стратегий. Как известно, показной радикализм, пропагандирующий самые экстремальные формы "возврата к прошлому", создает респектабельный вид для умеренных партий и позволяет более лояльно относиться к ним не только собственным избирателям, но и (что более важно) внешним спонсорам и кредиторам, которых пугают перспективами "возврата к прошлому".

Во внешнеполитическом плане существуют известные разночтения в использовании архаичных смыслов и символов прошлого в зависимости от геополитических (читай – экономико-финансовых и военно-политических) возможностей тех или иных государств. Чем слабее государство, тем ниже его ресурс использования "смыслов прошлого" для внешнеполитических целей, и наоборот.

Глобализация нанесла существенный удар по возможностям использования архаичных смыслов в социально-политических целях. Прежде всего поскольку:

- демонстрирует условности границ государств, которые (государства) зачастую в лице ряда представителей своей политической элиты стараются культивировать смыслы прошлого;

- создает возможности для быстрого реагирования на любые попытки превращения социальной ностальгии в формы действенной социальной активности. Здесь, конечно, особую роль в плане воздействия на общественные настроения приобретают телевидение и Интернет, а для влияния на политических радикалов главным аргументом выступают существенно консолидированные финансовые ресурсы;

- стремительно увеличивает дистанцию между настоящим и даже недавно отстоящим прошлым, демонстрируя хотя бы в технологически-коммуникативном ключе преимущества "новой реальности" перед прежними временами.

Но она (глобализация) наряду с этим и сама провоцирует, создает своеобразную социальную базу для (пусть и гротескных) попыток спрятаться в прошлое. Прежде всего, поскольку воспроизводит (возможно, и увеличивает) процент "боящихся" и, соответственно, стремящихся спастись от сложностей и противоречивостей глобализационных перемен.

Основным уязвимым местом героизации минувшего, попыток предлагать архаичные смыслы в качестве панацеи от стремительных тотальных перемен, на наш взгляд, выступает тот факт, что социальные практики прошлого в большинстве своем изобилуют эксплуататорскими подходами, силовыми (насилованными) методами решения вопросов и кастовостью как принципом организации и построения социальных структур. Гуманизма в прошедших эпохах было не больше, чем в настоящий момент. Естественно, гуманизм не доминирует и сегодня. Но обращаться за масштабным опытом гуманности в ретроспективу исторических социальных форм бессмысленно и обманчиво. Человечеству не

о чем жалеть в исторической ретроспективе. Его глобальный позитивный опыт – это синтез достижений отчаянных одиночек, как правило, не принятых, отторгнутых, гонимых, с последующим встраиванием их прогрессивных идей в прагматические условия очередного этапа общественного развития.

Следует также затронуть еще один очень чувствительный аспект. Любые архаичные смыслы базируются на героизации "своего", "национального" прошлого, а не на принципах всечеловеческой солидарности. Естественно, данная героизация предполагает противопоставление героев и их противников (врагов). По сути, на основе архаичных смыслов будущее также предлагается строить на принципах противостояния "своих" и "чужих", что опять-таки с позиций глобализации, объединяющей страны и народы, реакционно по сути и небезопасно по последствиям.

Одной из существенных проблем противоречивого становления современного глобализирующегося социума выступает предрасположенность целого ряда социальных организаций и носителей их интересов к воспроизводству архаичных смыслов общественного развития. Осуществляются попытки поиска решения сложнейших вопросов технотронной эпохи путем предложения сценариев возвратного действия.

Подобного рода практиками пронизана вся предшествующая социальная история (парадигма "восстановления золотого века"). Склонность к манифестированию и активизации смыслов и целей обращения к "благородной старине" становится социальной закономерностью. Другое дело, что в современных глобализационных условиях зачастую последствия попыток воспроизводства социальной архаики весьма ощутимы и могут влиять уже на судьбы всего человечества.

В качестве архаичных смыслов могут выступать как модели недавнего прошлого, так и мифологизированные исторические (и даже "внеисторические") периоды. В геополитическом плане, в одних случаях подобного рода обращение к архаичным смыслам является элементом новой масштабной игры за мировое влияние (сильные игроки), в других случаях (слабые игроки) – неумелым способом смягчить в идеологическом плане на внутривнутриполитическом поле свое подчиненное положение и удерживать представления о самозначимости.

Сохраняющаяся увлеченность и попытки использования архаичных смыслов как удачных конструктов в том числе (а нередко и прежде всего) в системе сложных геополитических игр – показатель дефицита перспективных смыслов, характеристика упрощенной мыследеятельности. В конечном итоге речь при воспроизводстве архаичных смыслов идет не столько о превалировании так называемого мифологического сознания, сколько о доминировании лености в этом самом индивидуальном и общественном сознании как в оценке новых реалий, так и в формулировании инновационных смыслов.

Условия технотронной эпохи формируют заслон перед стремлениями воспринимать архаичные смыслы в качестве рецептов по организации современных социальных отношений. Однако они же способствуют воспроизводству социальной базы поддержки "смыслов прошлого во имя будущего". Прежде всего благодаря динамике кардинальных перемен, которая вызывает утрату привычных, стабильных форм жизнедеятельности целых сообществ.

Целесообразным является признание того факта, что значительные подсказки в прошлом относительно того, как сформировать общечеловеческий социум на базе неконфликтных принципов сосуществования, отсутствуют. В исторически осязаемой и относительно просматриваемой ретроспективе есть только имперский опыт управления, изобилующий примерами тотального подчинения и эксплуатации.

В идеале необходима стратегия преемственности элементов прежних социальных форм, но не возврат их в системном, комплексном виде. По большому счету перед глобальным обществом и его локальными составляющими стоит сложно выполнимая задача: постоянно удерживать перспективу общегуманного плана, вбирать наиболее значимое, полезное в прошлых формах социальной организации и не поддаваться соблазну выдавать архаику за инновационные сценарии и конструкты развития.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Тоффлер А. Футурошок / А. Тоффлер; [пер. с англ. / ред., О.Михнюк]. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с. 2. Бакіров В.С. Світові тенденції розвитку університетської освіти / В.С. Бакіров // Соціологічні дослідження. Збірник наукових праць (За матеріалами науково-практичної конференції "Університетська освіта та формування управлінської еліти", 11-12 червня 2009 року). – №8. – Луганськ: вид-во Східноукр.нац.ун-ту ім. В.Дала, 2009. – С.9-15. 3. Бьюкенен П. Дж. Правые и не-правые: Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша / Патрик Дж.Бьюкене; [пер. с англ. К.Ковешникова]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – 348, [4] с. – (Philosophy). 4. Бурлачук В. Символические системы и конструирование социального смысла / В.Бурлачук // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – №3. – С. 147-155. 5. Бурдьё П. Социология политики / П.Бурдьё; [пер. с фр. Е.Д.Вознесенская, Ю.М.Ледовских, Г.А.Чередниченко, Н.А.Шматко]. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.